

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Б. ПИЛЬНЯКА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, 02031151 группы
Костенковой Виолетты Олеговны

Научный руководитель
проф.Плотникова Л.И.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение.....	3
Глава I. КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВОТВОРЧЕСТВА...	7
§1. Соотношение понятий «неологизм», «окказионализм», «потенциализм».....	7
§2. Классификация лексических новообразований.....	19
§3. Словотворчество и художественная картина мира.....	23
Глава II. Структурные , семантические и функциональные особенности авторских слов Б. ПИЛЬНЯКА	28
§1. Языковое новаторство Б.Пильняка.....	28
§2. Основные способы образования индивидуально-авторских новообразований Б.Пильняка.....	32
§3. Особенности функционирования лексических образований в прозе Б. А. Пильняка.....	45
Заключение	55
Список использованной литературы	58

ВВЕДЕНИЕ

Русский язык в своем бытовании и функционировании, как и любой другой язык, не остается статичным и неподвижным, он постоянно развивается. Это развитие означает постоянное пополнение, прежде всего, лексического состава языка под влиянием множества факторов общественно-политических, социальных, экономических, культурных и других. Новые слова возникают в языке, становясь частью его системы, и существуют вместе с каноническими словами, ставшими уже привычными для языка и вошедшими в основной словарный запас. Постепенно их новизна утрачивается, и они входят в состав канонических лексических единиц.

Обновление лексики языка может происходить и по другому пути, посредством создания неологизмов авторских, которые не становятся частью основного словарного запаса, а функционируют только в речи, обогащая ее, создавая незабываемые образы, либо подчеркивая какие-то особенности, свойства называемых ими явлений или предметов. В силу этого существуют различные исследовательские подходы к пониманию сущности этих слов, их видам и признакам.

Любое художественное произведение является, в первую очередь, выражением личности своего создателя, как в плане совокупности идей, так и на уровне их лингвистической реализации. Чем выше избирательная способность писателя, тем менее стандартизированной становится его художественно-речевая система, организованная в соответствии со стилем, художественно-эстетической культурой, мировоззрением писателя и конкретно проявляемая в максимальном контексте произведения – микроструктуре данной речевой деятельности [Акубекова 2004: 47]. Одним из способов реализации индивидуальности автора посредством имеющихся в языке средств является создание индивидуально-авторских образований, или окказиональных слов, которые, по словам Н.Г. Бабенко, «отличаются

исключительными образопорождающими возможностями» [Бабенко 1997: 32].

Интерес к проблеме создания и функционирования авторских слов единиц, их роли в контексте художественных произведений возник в советской лингвистике в конце 50-х годов и связан с именем Н. И. Фельдман, определившей сущность контекстных новообразований. Теории окказиональных слов были посвящены работы О.И. Александровой, Г.О. Винокура, О. А. Габинской, Е. А. Земской, В.В.Лопатина, А.Г.Лыкова, М.С.Малеевой, Р. Ю. Намитоковой, А. И. Смирницкого, И. С. Улуханова, Н.М. Шанского и др. Исследователи изучали вопросы, связанные с терминологическим аппаратом данной темы, выявляли причины возникновения окказиональных образований в языке, определяли признаки авторских слов, делали предположения об их дальнейшей судьбе. Несмотря на различия их позиций в понимании окказиональных слов, всеми авторами признается речевое функционирование этих слов и их образно-экспрессивная функция.

Именно эти свойства авторских слов делают их популярными среди мастеров слова, для которых яркость создаваемого образа, возможность одним емким словом заменить обычное слово или даже целое словосочетание, очень важны. В прозаической речи можно использовать описательные конструкции, но иногда необходим и моментальный эффект, эмоция, которая должна воздействовать на читателя, потрясти его. К числу таких художников слова относится и Б. Пильняк. Хотя в его время еще не существовало термина окказионализм, и никто не занимался их изучением, чутье писателя подсказывало ему такие слова, над которыми он много работал.

Борис Пильняк – представитель русской орнаментальной прозы. По словам Л. А. Новикова, «ее возникновение и развитие связано во многом с поисками новых, ощутимых, ярких форм поэтического изображения действительности, со стремлением переместить прозу с периферии искусства

слова в его центр, используя при этом специфические свойства прозаического слова (изобразительность, способность к развертыванию сюжета, полифоничность и др.), его известные преимущества перед собственно поэтическим, стиховым словом» [Новиков 2001: 320].

Актуальность исследования заключается в том, что работы, в которых анализируется творчество Б. А. Пильняка, являются преимущественно литературоведческими. Можно назвать немного исследований, посвященных лингвистическому изучению языка писателя. Вопросы языка и стиля писателя частично затрагивались в работах А. П. Ауэр, Г. Бахматовой, И. Н. Горелова, С. Ю. Гориновой, Е. Г. Елиной, И. Е. Карпенко, В. П. Крючкова, Н.Ю. Маликовой, Т. Милехиной, Ю. Б. Орлицкого, С. Юрак и др. За последнее время вышли две монографии Т. Н. Костяковой «Язык Бориса Пильняка: средства художественной выразительности» и «Язык Бориса Пильняка: цветопись». В теоретических исследованиях, посвященных творчеству Б. А. Пильняка, содержится немало интересных наблюдений над языком писателя, однако проблема окказионального словотворчества лингвистами затрагивалась в незначительной степени.

Настоящая работа посвящена анализу словообразовательных авторских слов Б. А. Пильняка. Исследование индивидуально-авторских образований позволит глубже уяснить, в чем сила таланта Б. А. Пильняка, какое влияние он оказал на развитие языка.

Актуальность темы объясняется также необходимостью дальнейшего изучения языка Б. А. Пильняка с учетом его индивидуального своеобразия и установления принципов словотворчества писателя, мотивов создания им новых слов.

Объектом исследования являются авторские слова Б.А. Пильняка на примере романа «Голый год», повестей «Машины и волки», «Повесть непогашенной луны», «Волга впадает в Каспийское море», рассказов

«Китайский дневник», «Иван Москва», «Корни японского солнца», «Мать сыра земля», «Чертополох» и другие.

Предмет исследования – структурно-семантические и функциональные особенности индивидуально-авторских новообразований Б.А. Пильняка.

Цель работы заключается в анализе окказиональной лексики в семантическом и функциональном аспектах. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. проанализировать теоретическую литературу по исследуемой проблеме;
2. выявить окказиональные образования в прозе Б. А. Пильняка;
3. классифицировать окказиональные единицы писателя по способам словообразования;
4. выявить особенности функционирования авторских слов и их роль в текстах Б. А. Пильняка.

Материал для данного исследования извлекался методом сплошной выборки из романов и повестей Б.А. Пильняка в количестве более 100 единиц. Правомерность отнесения исследуемых единиц к окказионализмам подтверждается их отсутствием в толковых, этимологических, диалектных словарях русского языка.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: аналитический, сравнительный, фрагменты компонентного анализа, текстологический и метод наблюдения за фактами языка.

Кроме того, в работе использован комплексный анализ новообразований, который предполагает рассмотрение авторских слов с точки зрения особенностей их структуры и семантики.

Структура выпускной квалификационной работы определялась логикой исследования и поставленными задачами. Она включает в себя Введение, две главы, Заключение, Список использованной литературы.

Глава I. КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВОТВОРЧЕСТВА

§1. Соотношение понятий «неологизм», «окказионализм», «потенциализм»

Как в языке, так и в речи постоянно образуются новые слова, для обозначения которых используются термины «неологизм», «потенциальное слово» и «окказионализм». «Неологизм» – самый старый, «устоявшийся» из этих терминов. О потенциальных словах одним из первых писал Г.О. Винокур в работе «Маяковский – новатор языка». Термин «окказиональное слово» впервые появился в статье Н.И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография». Однако среди исследователей нет единогласия в трактовке этих терминов, которые в разных работах по-разному определяются, по-разному соотносятся друг с другом.

Следует подробнее остановиться на вопросе, касающемся терминологического аппарата проблемы окказиональности. Он до сих пор остается дискуссионным из-за множества дефиниций и неоднозначности их трактовки. В лингвистической литературе существует более тридцати обозначений авторских новообразований: авторские неологизмы (В.А. Звегинцев, Р.Ю. Намитокова), стилистические неологизмы (В.Н. Тамахин), индивидуальные неологизмы (Р.Ю. Намитокова), поэтические новообразования (М.А. Бакина, Т.В. Пименова, О.М. Чумакова), речевые новообразования (Н.А. Богданов, М.А. Петриченко), контекстуальные образования (М.С. Малеева), индивидуально-авторские образования (О. А. Габинская, В. М. Костюков), слова-самоделки (Н. И. Фельдман), потенциализмы (Э. В. Кузнецова), потенциальные слова (А. И. Смирницкий), лексические инновации (О. А. Габинская), неузуальные образования (Е.И. Орлова), авторские слова (Э.И. Ханпира), окказиональные слова (А. Г. Лыков), словообразовательные аномалии (Т. Б. Радбиль), креатемы (Л. А. Новиков, В. П. Григорьев) и т.д. В определениях

учитываются такие признаки новообразований, как индивидуальная принадлежность, творимость, определенная сфера применения, полная зависимость от контекста, способность актуализироваться в речи и несоответствие их узусу.

Как показал обзор, авторы расходятся в вопросах терминологии, но сходятся в понимании окказионализма как контекстуально-закрепленной единицы.

В нашей работе принят термин *окказионализм*. Он представляется нам наиболее кратким, содержательно определенным и самым распространенным в научной литературе, посвященной данной проблематике. Под окказионализмами мы понимаем слова, являющиеся результатом индивидуально-авторского творчества. Они характеризуются рядом специфических признаков, отличающих их от общепринятых в системе языка слов.

Само понятие окказиональности ввел в лингвистическую науку Г. Пауль, который противопоставил узуальному значению окказиональное. Окказиональное – это те представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения и которые, как он полагает, свяжет в свою очередь и слушатель с данным словом [Пауль 1960: 101].

Термин «окказионализм» впервые употреблен применительно к русскому словообразованию в статье Н.И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография». К разряду окказиональных автор относит слова, которые представляют собой результат необычного сочетания словообразовательных элементов или слова, созданные по необычным словообразовательным моделям. По мнению автора, главным признаком окказиональности служит необычная форма таких слов [Фельдман 1957: 64].

О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» дает следующее толкование термину «окказиональный» – «не узуальный, не соответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся

индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления» [Ахманова 1966: 284].

Л. А. Плотникова рассматривает проблему речевого словотворчества с коммуникативно-когнитивных позиций. Опираясь на результаты экспериментальных исследований, она разбивает процесс образования нового слова на 3 этапа: мотивационно-побуждающий, смыслообразующий и реализующий. По ее мнению, самым важным этапом является смыслообразующий этап: «Поиск и выбор необходимого слова в определенной речевой ситуации – это творческий процесс, который определяется замыслом говорящего. В поиске слова индивидуум в первую очередь обращается к лексикону как хранителю готовых языковых единиц. Если поиск не приносит необходимого результата, он служит сигналом к созданию нового слова. В действие «включается» механизм словопроизводства, в результате которого конструируется необходимое новообразование, отвечающее требованиям коммуникативного акта» [Плотникова 2004: 72].

Постоянно растущий интерес лингвистов к периферии словообразования объясняется, в частности, проблемой пустых, незаполненных пространств возможной номинации, свидетельствующих об огромном потенциале языка. В этой связи представляется необходимым рассмотреть вопрос о корреляции понятий «потенционализм» и «окказионализм».

Термин «потенциальные слова» был введен Г.О.Винокуром. Под ним он понимал «слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если того захотела историческая случайность» [Винокур 1991: 327].

Потенциальные слова и собственно авторские слова противопоставлены друг другу как стандартные и нестандартные. Как отмечает Намиткова Р.Ю.: «Под стандартными образованиями следует понимать образования, созданные по языковым моделям и соответствующие словообразовательным типам языка. Под нестандартными образованиями –

образования, созданные с какими-либо отклонениями от известного словообразовательного типа» [Намиткова 1986: 27].

Потенциальные и окказиональные слова, по мнению Е. А. Земской, «представляют собой два полюса словообразования: первые являются реализацией законов словообразования, вторые — нарушением этих законов» [Земская 2005: 241]. Это — антиподы, однако и те, и другие, по существу, демонстрируют возможности, заложенные в системе языка, только в первом случае это возможности, которые вот-вот станут реальностью, уже пробившие себе дорогу, а во втором случае — это возможности глубинные, лишь изредка, с трудом выбивающиеся на поверхность [Земская 2005: 241]. Разграничивая понятия «окказионализм» и «потенциализм», ряд лингвистов (В. В. Лопатин, М. С. Малеева, Э. И. Ханпира, М. А. Бакина и др.) предлагают следующие критерии:

- объективно существующие категории окказиональности и потенциальности;

- принадлежность речевых образований к различным словообразовательным типам (потенциальное слово создано по высокопродуктивным типам, окказиональное — по непродуктивным или малопродуктивным, а также по окказиональным);

- наличие/отсутствие в новообразованиях отклонений от норм литературного языка;

- новизна как постоянный признак окказиональных слов и проходящий для потенциальных;

- объем словообразовательного контекста (минимальный — для потенциальных слов, более развернутый — для окказиональных).

Употребление авторских слов становится характерным признаком творчества поэтов и писателей 20 века. Утверждение А. А. Потебни о «личности» всякого литературного произведения в отличие от безличности языка в определенной мере привело к мысли о необходимости изучения

языка каждого отдельного художника слова с целью выявления особенностей его творческого почерка [Потебня 1990: 27].

В. В. Виноградов говорил о том, что к особенностям почерка художника слова относятся и так называемые окказиональные единицы, эстетически трансформированные средства народного языка. «Работа писателя — мастера художественного слова, — писал лингвист, — обычно рассматривается как составная часть общего движения литературной речи, или как ее движущая сила, или как цепь экспериментально-художественных творческих изысканий, определяющих направление этого движения в тех или иных отношениях» [Виноградов 1958: 5].

Л. В. Щерба называл индивидуальное употребление «тончайшими семантическими нюансами» [Цит. по: Фадеева 2008: 42-43], Б. А. Ларин именовал их «обертнами смысла», «комбинаторными приращениями» [Ларин 1974: 36]. Необычное авторское употребление придает слову новый оттенок, расширяет область собственно лексического и стилистического употребления единиц, раскрывает заложенные в них скрытые возможности. Это положение подтверждается словами Л. В. Щербы о том, что «необычность писательского слова внешне противоречит прописным грамматическим истинам, а на деле оказывается точностью искусства, точностью свежего взгляда на примелькавшиеся вещи» [Цит. по: Фадеева 2008: 10]. «Цель подобных употреблений, — пишет И. А. Стернин, — не номинация нового предмета, а создание более выразительного образа предмета» [Стернин 1979: 71].

Г. О. Винокур, исследуя новаторство языка В. Маяковского, утверждал, что оно «не есть продукт одной лишь словесной игры, ... а есть желание уйти от шаблона бессодержательной и условной поэтичности» [Винокур, 1991: 29].

По мнению Л. И. Плотниковой, «коммуникативно-когнитивный подход к анализу созданных автором инноваций предусматривает выявление той объективной реалии, которая потребовала своего однословного обозначения,

определение нового индивидуального знания, объективированного в новом слове, а также способа образования и тех словообразовательных средств, с помощью которых это знание было репрезентировано. Индивидуальные образования, созданные авторами разных литературных направлений, свидетельствуют не только о различии в идейных установках, но и о различном отношении поэтов к новому слову и словотворчеству» [Плотникова 2004: 16].

А.Г. Лыков выделил девять признаков, отграничивающих русское окказиональное слово от канонического: принадлежность к речи, творимость (невоспроизводимость), словообразовательная производность, ненормативность, функциональная одноразовость, экспрессивность, номинативная факультативность, синхронно-диахронная диффузность и индивидуальная принадлежность [Лыков 1976: 11].

За основу мы берем широкое понимание окказиональной единицы, включающее и потенциальные слова (такое деление признается только на словообразовательном уровне в зависимости от «чисто» или окказиональной реализации словообразовательных типов).

Вслед за А.Г. Лыковым под словообразовательными окказионализмами мы подразумеваем «речевую экспрессивную единицу, обладающую свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности, словообразовательной производности, функциональной одноразовости, индивидуальной принадлежности и синхронно-диахронной диффузности» [Лыков 1976: 46].

Окказиональным, на наш взгляд, может быть признано новое слово, созданное по языковым словообразовательным типам различной степени продуктивности, а также с помощью окказионального словообразования, при условии его незакрепленности в словарях. Характерным признаком окказиональных слов является их зависимость от контекста. Каждый раз создаваемые, творимые (а не воспроизводимые), они дальше породившего их контекста не уходят [Валгина 2003: 34].

В определение окказионализма нами не включен признак новизны, который в большинстве работ по окказиональности назван определяющим. Есть больше оснований, как нам кажется, согласиться с мнением А. Г. Лыкова, отрицающего признак постоянной новизны слова и включающего в определение признак необычности единицы: «Думается, что постоянная новизна слова, пусть даже и окказионального, его новизна временная логически немыслима и лингвистически несостоятельна. Не новизна, а необычность, диковинность – вот что является главным и постоянным признаком окказионализма» [Лыков 1976: 74].

Источником появления окказиональных слов является словообразовательная система языка, позволяющая образовывать окказиональные производные единицы путем создания словообразовательных аналогий как результата относительно свободной комбинации морфем. Е. А. Земская отмечает, что «аналогия при этом действует и как фактор регулярности, единообразия (так как окказионализм берет за образец обычное слово), и как фактор нарушения регулярности (так как окказионализм, беря за образец обычное слово, чем-то не похож на него, отличается от него)» [Земская 2005: 241].

Следует различать такие понятия, как окказиональная и неологическая лексика.

Неологизмы, в отличие от авторских слов, которые создаются автором и не рассчитаны на вхождение в язык, предназначены для обозначения новых предметов или явлений, и впоследствии закрепляются в словарях и утрачивают оттенок новизны. Авторские слова, в отличие от неологизмов, не являются фактом системы языка, они свободно образуются в речи всякий раз, когда в них возникает необходимость.

В отличие от потенциальных слов, авторские слова создаются с нарушением законов общезыкового словообразования. Слово - корень всех вещей. Поэты и писатели в разные периоды развития литературы понимали это и уделяли ему большое внимание, стараясь как можно точнее выразить

свою мысль. Для них слово – главный инструмент творчества, поэтому они старались сделать его более ярким, емким. Поэтому нередко авторы прибегали к созданию новых, уникальных слов – авторских слов. Но все же некоторые ученые не отделяют эти два понятия, и не признают разницы между окказионализмами и неологизмами. Окказионализм - это средство для создания свежего, нешаблонного, оригинального слова. Поэты, писатели часто раздвигают присущие языку словообразовательные рамки. Каждый словообразовательный тип имеет в языке свои границы употребления: он ограничен в возможностях. Но писатели и поэты иногда позволяют себе расширить возможности образования слов. С точки зрения современного литературного языка, такое словонарушение языковой (в данном случае словообразовательной) нормы, а писатель с его помощью создает яркий, оригинальный образ.

Следует отметить, что внутри каждой части речи в пределах определенного способа словообразования окказиональные слова делятся на группы в зависимости от части речи мотивирующей основы, в предложениях – в зависимости от части речи опорного слова. Словообразовательные типы авторских слов в исследовании сопоставляются со словообразовательными типами, представленными в Русской грамматике – 80. Из того же источника извлечены определения общих и частных словообразовательных значений окказиональных слов и данные о словообразовательных формантах производных слов, способах словообразования и примеры продуктивных в общелитературном языке типов.

Авторские слова создаются авторами индивидуально, чаще носят эмоционально-экспрессивный характер; они сохраняют новизну, ощущаются как новые, независимо от времени своего создания, у них отсутствует ориентация на общеупотребительность; они создаются по нормам и вне норм русского словообразования.

Новые слова широко образуются от уже существующих и по их образцу, также происходит заимствование слов из других языков. Язык

художественной литературы отражает общее развитие языка, но желание найти собственные образные речевые средства приводит к созданию индивидуально-авторских новообразований: потенциализмов и авторских слов.

Создание авторских слов расширяет лексику языка и вносит в нее неповторимый эмоциональный оттенок.

Причины, побуждающие художников слова к созданию индивидуально-авторских образований, таковы:

а) необходимость точно выразить мысль (узуральных слов для этого может быть недостаточно);

б) стремление автора кратко выразить мысль (новообразование может заменить словосочетание и даже предложение);

в) потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку;

г) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику;

д) потребность избежать тавтологии;

е) необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки.

Писатель, создающий авторские слова, выражает свое индивидуально-авторское видение мира.

Любое художественное произведение является, в первую очередь, выражением личности своего создателя как в плане совокупности идей, так и на уровне их лингвистической реализации. Чем выше избирательная способность писателя, тем менее стандартизированной становится его художественно-речевая система, организованная в соответствии со стилем, художественно-эстетической культурой, мировоззрением писателя и конкретно проявляемая в максимальном контексте произведения — микроструктуре данной речевой деятельности. В художественной речи — сфере повышенной словотворческой активности — создание лексических

единиц автором осуществляется в результате творческой установки для эстетического воздействия. Создание авторских окказиональных единиц происходит не только по причине заполнения языковых лакун (действительных и мнимых), но и стремления к экспрессии, желания сделать форму более эффектной, воздействовать на эмоции читателя. Авторские слова, реализуя поэтическую функцию, повышают осязаемость текста, его коммуникативную информативность.

Таким образом, для разграничения этих терминов необходимо учитывать некоторые критерии, главными из которых являются следующие.

1. Принадлежность слова к языку или речи.

Главное отличие неологизма от окказионального и потенциального слова основывается на противопоставлении языка и речи, отмеченном еще Ф. де Соссюром.

Неологизм – это факт системы языка [Фельдман 1957: 64]; таковы, например, *имидж*, *маркетинг*, *токсикомания*. Потенциальные и окказиональные слова – это факты речи, не вошедшие в язык [Ханпира 1966: 154]: *сверхпроза* (Ю. Поляков), *спустярукавашиность* (Т. Толстая). Окказиональное словообразование как художественный прием оформилось в XIX-XX веках и заняло одно из главенствующих мест в художественной системе русской литературы.

2. Словообразовательная производность.

Производность не является обязательным свойством неологизмов: они могут создаваться с помощью словообразовательных средств русского языка (*наличка* – «*наличные деньги*»), но могут быть и непроизводными словами, например, заимствованными из других языков (*пентхаус*, *бренд*).

Что касается авторских слов, то существует два подхода к их изучению: лексический и словообразовательный. Сторонники лексического подхода считают окказиональным любое слово, не входящее в словарь языка, как производное, так и непроизводное. Согласно словообразовательному подходу, окказиональные и потенциальные слова всегда производны, они

являются контекстуальными дериватами, «образуемыми говорящим в речи по мере надобности», в отличие от системных дериватов, построенных «в строгом соответствии со словообразовательными законами языка» и «фиксируемых в толковых и иных словарях» [Клобуков 2009: 357]. В нашем исследовании мы придерживаемся второго из названных подходов.

3. Соответствие закономерностям системы языка.

Здесь кроется одно из важнейших различий между окказиональными и потенциальными словами. Потенциальные слова производятся по образцу высокопродуктивных словообразовательных типов. Например, дериваты узкобедрость, краснощекость (Т. Толстая) относятся к продуктивному типу образования от адъективных существительных с суффиксом – ость с отвлеченным значением признака.

4. Слово уже образовано / только может возникнуть.

Авторские слова и неологизмы – это реальные лексические единицы, уже образованные и употребленные в речи, или даже вошедшие в состав языка (неологизмы). Иначе обстоит дело с потенциальными словами. Можно выделить два вида таких слов:

1) актуализированные потенциальные слова уже произведены, но не закреплены традицией словоупотребления;

2) неактуализированные – предусмотрены словообразовательными возможностями языка, но реально могут не появляться [Ханпира 1966: 154].

5. Зависимость от контекста.

Неологизмы как факты языка не привязаны к какому-либо контексту, могут употребляться изолированно. Потенциальные слова также в наименьшей степени зависят от контекста и, как правило, понятны даже при изолированном употреблении. Это объясняется тем, что потенциальные слова лишены фразеологичности семантики, т.е. значение такого производного слова целиком выводится из суммы значений составляющих его компонентов [Земская 1972: 25]. Например, *получемпионка, останавливание* (Т. Толстая).

Окказиональные слова прикреплены к определенному контексту или к определенной речевой ситуации, зачастую попросту непонятны вне породившего их контекста [Лыков 1976: 19]. Например, *Деревья уже начали желтеть, господа. И багроветь, милостивые государи. И законьячиваться в глубине роц* (В. Аксенов); только из контекста становится понятно, что окказионализм законьячиваться означает «*коричневеть*», «*жухнуть*».

Существуют и более частные критерии разграничения терминов «неологизм», «потенциальное» и «окказиональное» слово (творимость / воспроизводимость, включенность в словари, индивидуальная принадлежность, новизна, экспрессивность, цели создания).

В результате рассмотрения всего комплекса проблем, связанных с установлением основных деривационных классов новой русской лексики, можно сделать вывод о том, что неологизм – это новая единица языка, тогда как потенциальные и окказиональные слова являются фактами речи, результатом реализации общих дискурсивных категорий потенциальности и окказиональности, которые регулярно проявляются на разных уровнях организации речи, в том числе и в словообразовании [Ханпира 1966: 154].

Таким образом, изучение авторских слов очень важно не только в плане исследования мастерства писателя, но и с целью создания более полной картины богатств русского языка, его особенностей, так как сочетание подлинного мастерства с глубоким знанием законов русского языка и умением тонко чувствовать нюансы значений слов свойственны только поистине самым талантливым художникам слова. «Если мы хотим представить себе будущее языка, то мы должны так же тщательно исследовать окказиональные элементы в речи, как исследуют диалектизмы для лучшего понимания прошлого языка. Быть может, окказиональность — это начальный этап жизни каждого слова» [Ширшов 1999: 129-130].

§2. Классификация авторских слов

Окказиональную лексику можно рассматривать со многих точек зрения. Авторские слова различаются в широких пределах: от слов, практически уже не воспринимающихся как окказиональные, до слов резко индивидуальных, привязанных к определенному автору, произведению и даже определенному контексту.

1. Словообразовательные авторские слова. Словообразовательная норма может нарушаться в различной степени. В связи с этим некоторые ученые предлагают различать разные степени окказиональности:

а) авторские слова первой степени - это стандартные, потенциальные образования, созданные в полном соответствии с деривационными нормами современного русского литературного языка;

б) авторские слова второй степени - частично нестандартные образования, причем отступления от деривационной нормы, произошедшие при образовании окказионализма, не порождают трудностей семантической интерпретации;

в) авторские слова третьей степени - это сугубо окказиональные, полностью нестандартные образования, семантическая интерпретация которых достаточно трудна, а отступление от деривационной нормы существенно. Такие образования часто не имеют аналогов даже среди авторских слов.

2. Окказиональность в плане выражения и в плане содержания (семантические авторские слова, по терминологии Эр. Ханпирры).

3. Авторские слова, созданные на материале того языка, на котором произведение написано, и образованные путем заимствования слов (или морфем) из других языков.

4. Фонетические авторские слова - слова, представляющие собой не зарегистрированные в языке сочетания фонем.

Фонетические авторские слова рождаются в том случае, когда автор предлагает в качестве новообразования какой-либо звуковой комплекс,

считая, что этот комплекс передает, содержит некую семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков, его составляющих.

Классические примеры фонетических авторских слов находим в экспериментальном стихотворении В. Хлебникова:

Бобэоби пелись губы,
 Вээоми пелись взоры,
 Пиээо пелись брови,
 Лиэээй - пелся облик,
 Гзи-гзи-гзээ пелась цепь.
 Так на холсте каких-то соответствий
 Вне протяжения жило Лицо.

5. Лексические (словообразовательные) авторские слова создаются в большинстве случаев комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней. Менее частотно образование лексических авторских слов лексико-синтаксическим и морфолого-синтаксическим способами. При образовании лексических авторских слов действует исторически сложившийся механизм словопроизводства. Новообразование компонуется из морфем, уже существующих в языке, при этом истинно новым является именно скрещение этих морфем.

В качестве иллюстрации сказанного приведем строфу из стихотворения О. Мандельштама «Чернозем», содержащую лексический окказионализм:

Как на лемех приятен жирный пласт,
 Как степь лежит в апрельском провороте!
 Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаст...

Черноречивое молчание в работе.

6. Грамматические (морфологические) авторские слова представляют собой образования, в которых, с точки зрения узуса, в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма. Невозможное в системе

языка оказывается возможным в авторском контексте благодаря творческому развитию лексического значения слова.

Например, в стихотворении В. Брюсова окказиональный *плюраль злы* органичен, так как является номинацией не отвлеченного понятия, а конкретных его проявлений: общественных пороков, изъянов.

К великой цели двигались народы.

Век философии расцвел, отцвел;

Он разум обострил, вскрыл глуби **зол**

И людям вспыхнул маяком свободы.

7. Семантические авторские слова являются результатом появления семантических приращений (иначе говоря «обертонов смысла», «контекстуальных значений», «эстетических значений»), которые существенно преобразуют семантику исходной узусальной лексемы, употребленной в художественном контексте. Круг семантических авторских слов очертить значительно труднее, чем лексических или грамматических, поскольку практически каждое эстетически нагруженное слово образного текста характеризуется смысловыми приращениями. Работать с ними необходимо, так как они являются неотъемлемой частью индивидуального языка писателя, текстов художественных произведений.

Примером семантического окказионализма может служить прилагательное *лазорев* в стихотворении И. Северянина «Нерон»:

Мучают бездарные люди, опозорив

Облик императора общим сходством с ним.

Чужды люди кесарю: Клавдий так **лазорев**,

Люди ж озабочены пошлым и земным.

8. Окказиональные (необычные) сочетания слов представляют собой стечение лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна, поскольку противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях. Благодаря возникновению

контекстуально-обусловленных семантических сдвигов в зависимом компоненте словосочетания общие семы появляются.

Так, окказиональным является словосочетание *давнопрошедшие позы* в стихотворении С. Кирсанова «В Лондоне»:

... Он - город часовых
в давнопрошедших позах,
 подстриженной травы,
 живых головок Греза,
 ораторов в садах,
 сидящих спортсменов
 и стрелок, что всегда
 дрожат на «переменно»...

9. Графические авторские слова отличаются (характеризуются) выделением более крупным шрифтом какой-либо части слова. За этим техническим процессом скрыты важные семиологические процессы. Графические авторские слова часто используются в прессе (заголовках). При образовании таких заголовков на одну метафорическую цепочку накладывается другая, что способствует приобретению словом символического смысла.

10. Фразеологические авторские слова. Среди окказиональных словосочетаний выделяются особой группой те, которые мотивированы устойчивым сочетанием слов и построены на обыгрывании соотношения фразеологической производящей основы и производного окказионального словосочетания. Э. Ханпира называет их фразеологическими окказионализмами. К таким необычным словосочетаниям относятся, например, авторские слова: «*Жизнь спустя, горячо приветствую такое умолчание матери*» (М. Цветаева) - ср. «*спустя годы*».

11. Синтаксические авторские слова. Э. Ханпира выделяет и так называемые синтаксические авторские слова, относя к этому типу новообразований конструкции с окказиональным управлением («*Иду, и*

холодеют росы и серебрятся о тебе» - А. Блок), окказиональный порядок слов («Рабочего громады класса враг» - В. Маяковский). Имеющая место некоторая необычность приведенных примеров все-таки не делает их стилистически доминирующими, текстообразующими единицами.

12. Стилистические авторские слова. Е.Г. Ковалевская считает целесообразным выделять так называемые стилистические авторские слова, понимая под ними «чужеродные языковые единицы в однородном стилистическом тексте, в одноплановой по отбору языковых единиц речи» [Ковалевская 1986: 35]. Например:

«В королевстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный,
То ли буйвол, то ли бык, то ли Тур» (В.Высоцкий).

На наш взгляд, учет и семантическое описание стилистических авторских слов нереальны, так как сопряжение стилистически разнородных средств возможно на различных языковых уровнях вплоть до синтаксического. К тому же методика описания стилистических авторских слов не разработана.

Итак, следует выделять следующие типы авторских слов: фонетические, лексические, семантические, грамматические, окказиональные сочетания слов, потенциальные слова, неологизмы и другие.

§3. Словотворчество и художественная картина мира

Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда можно сделать вывод о том, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира» или «художественная картина мира». В силу большей распространенности мы выбираем последний термин.

Понятие картины мира (в том числе и художественной) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир - это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира - результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде художественной картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа.

М. Хайдеггер писал, что при слове «картина» мы думаем, прежде всего об отображении чего-либо, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина». Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения [Хайдеггер 1993: 76].

Художественная или языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт - как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу

специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как художественная картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема говорящий использует фразеологизм *воспарить душой*, не осознавая, что это средство языка связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека животворящей субстанции - души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам.

По мнению В. Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения [Касевич 1997].

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений», т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Термин «художественная картина мира» - это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа.

Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В. Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1984: 324]. К концу XX в. появилось много работ, посвященных данной проблеме, - работы Г.А.Брутяна, С.А.Васильева, Г.В.Колшанского, Н.И.Сукаленко, М.Блэка, Д.Хаймса. Возросший интерес к этой проблеме связан с когнитивными исследованиями последних лет.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Термином окказиональный называют факты, не соответствующие общепринятым языковым нормам, а авторские слова – это речевые явления, возникающие под влиянием контекста, для выражения смысла, необходимого в данном конкретном контексте. Авторские слова выполняют индивидуально - стилистическую функцию в определённом контексте и обычно становятся достоянием общего языка. Авторские слова

характеризуются следующими признаками: принадлежность к речи, творимость, ненормативность, функциональная одноразовость, экспрессивность, индивидуальная принадлежность, словообразовательная производимость, номинальная факультативность, синхронно-диахронная диффузность.

Следует различать такие понятия, как окказиональная и неологическая лексика, окказиональная и потенциальная лексика, узуальная и окказиональная лексика. Авторские слова в отличие от неологизмов, не являются фактом системы языка, они свободно образуются в речи всякий раз, когда в них возникает необходимость. В отличие от потенциальных слов, авторские слова создаются с нарушением законов общеязыкового словообразования. В отличие от узуальных слов, авторские слова противоречат традиции и норме употребления.

2. Окказиональные слова бывают разных видов: словообразовательные (лексические), фонетические, семантические, графические, синтаксические (необычные сочетания слов).

Также различают разные степени окказиональности: авторские слова первой степени (стандартные, потенциальные образования, созданные в соответствии с деривационными нормами языка), авторские слова второй степени (отступления от деривационной нормы не порождают трудностей семантической интерпретации) и авторские слова третьей степени (полностью нестандартные образования).

Картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается:

- в отборе элементов содержания художественного произведения;
- в отборе языковых средств, в частности индивидуально-авторских новообразований.

Глава II. Структурные, семантические и функциональные особенности авторских слов Б. Пильняка

§1. Языковое новаторство Б. Пильняка

В истории русской литературы XX века, дискуссионной и противоречивой по определению, было немало писателей, творчество которых оказывалось предметом бурных дискуссий и, зачастую, противоположных оценок. Сама установка послереволюционной эпохи — создать новую литературу, соответствующую новой действительности, побуждала писателей к поиску и эксперименту. Первая половина 1920-х годов с обилием литературных группировок (РАПП, ЛЕФ, «Кузница», «Серапионовы братья» и др.) создавала иллюзию свободы эстетического развития. Вышедшие в эти годы яркие произведения, отражавшие эпоху, такие, как роман К. Федина «Города и годы», «Партизанские повести» Вс. Иванова, романы и повести Л. Леонова, В. Каверина, проза Е. Замятина, А. Платонова, М. Зощенко и др., — свидетельство мощной художественной силы, которая зарождалась в литературе. К концу 20-х годов советская власть сделает все, чтобы подчинить эту силу официальным догмам и партийной идеологии.

Экспериментальное творчество Б. А. Пильняка занимает важное место в развитии русской литературы послеоктябрьского периода. В своей новаторской прозе Б. Пильняк стремился воплотить неординарные попытки осмыслить самые первые революционные шаги России, передать свое понимание роли стихийных народных масс, вовлеченных в громадные исторические сдвиги в стране. Глобальные проблемы настоящего, прошлого и будущего России писатель старался решать с помощью новых художественных форм. Структура его первых романов, орнаментально окрашенная речь, буйная стилистика, отвергающая традиционные формы русской литературы, вызвали острые дискуссии в современной критике. Каждое вышедшее в свет произведение Пильняка становилось объектом

критических оценок и споров. При этом, как правило, негативно к нему относились как традиционалисты, так и новаторы.

Так, например, формалисты Ю. Тынянов и В. Шкловский указывали на крайности в экспериментах Пильняка. В. Шкловский писал, что Пильняк «имеет цель затруднить восприятие, проецируя одно явление на другое». Л. Ю. Тынянов отмечал, что «с Пильняком мы докатились до границ литературы — стилистическая метель домела до края». Действительно, сложность и хаотичность произведений этого автора, многослойность стилистики, многозначность образной системы давали повод для таких оценок. В то же время, Б. Эйхенбаум, В. Виноградов, В. Жирмунский и др., обращаясь к анализу стилистических особенностей прозы Пильняка, подчеркивали ее новаторство и экспериментальный характер. В частности, Эйхенбаум и Виноградов выявляли особенности сказовой манеры Пильняка в контексте современной литературы 1920-х гг., а Жирмунский указывал на новации Пильняка в сфере прозаического ритма. Особые споры вызывала идеологическая составляющая творчества Пильняка: его считали и революционным писателем (А.Воронский, Л.Троцкий), и контрреволюционным, и мелкобуржуазным (Вяч. Полонский, Г. Горбачев, напостовские критики и т. п.). Причина столь различных оценок творчества писателя, безусловно, кроется в экспериментальности его творчества, в поисках новых средств художественной выразительности, в дискуссионности исторической концепции, лежащей в основе его произведений, во взглядах писателя на прошлое, настоящее и будущее России.

Столь необычные эстетические и идеологические поиски Пильняка были продиктованы самим временем - хаотичность текста как художественная парадигма была созвучна хаотичности и апокалиптичности эпохи 1920-х годов. «Неоднократная смена культурных, политических парадигм в течение столетия приводила к потрясениям на уровне сознания, морали и нравственности, в том числе и особенно остро в художественном сознании творцов культуры», — справедливо отмечает С. И. Тимина [Тимина

2002: 135]. Писатели 1920-х годов пытались найти формы для того, чтобы отобразить мир, который изменялся на их глазах. Для многих было очевидно, что революция разделила не только повседневную жизнь, но и культуру на две части — «до» и «после», система нравственных и эстетических координат резко трансформировалась, порывались связи с классической литературой XIX века. В прозе Б. Пильняка, Вс. Иванова, И. Бабеля, М. Зощенко, А. Веселого и др. действительность 1920-х годов нашла отражение в своих еще не застывших, динамичных и даже хаотичных формах.

Б. А. Пильняк — один из талантливых, но сложных, противоречивых писателей послеоктябрьской прозы, специфически видевший мир и строивший свой образ новой России, один из представителей русской орнаментальной прозы, возникновение и развитие которой «связано во многом с поисками новых, осязаемых, ярких форм поэтического изображения действительности, со стремлением переместить прозу с периферии искусства слова в его центр, используя при этом специфические свойства прозаического слова (изобразительность, способность к развертыванию сюжета, полифоничность и др.), его известные преимущества перед собственно поэтическим, стиховым словом» [Новиков 2001: 320]. По мнению современников писателя, «творчество Б. Пильняка, выросшее в революционные годы, представляет собою, несомненно, одно из самых знаменательных явлений в русской прозе последнего десятилетия» [Гофман 1928: 7]. «Он — мастер сжатого, четкого образа, он умеет одним-двумя приемами очертить человека, зверя, пейзаж. Он прекрасно видит, его глаз зорек и остер, у него хорошая записная книга, куда он заносит очень многое — меткое своеобразное слово («Слова мне — как монета нумизмату»), различные характерные мелочи («мелочи, которые я собираю, как мед, для моих рассказов»), документы, характеризующие эпоху, и т.п.», — отмечал А. Пинкевич [Пинкевич 1929: 8]. В наши дни исследование стиля писателя

связано, прежде всего, с интересом к активно развивавшейся в первые десятилетия двадцатого столетия так называемой «орнаментальной прозе».

Одна из характерных черт стиля Б. А. Пильняка — это обращение к словотворчеству, так как использование окказиональных образований с их очевидной смысловой двуплановостью лишь подчеркивает художественную противоречивость писателя.

Окказиональное словотворчество становится важным художественным средством уже в первом крупном романе Б. А. Пильняка - «Голый год». В последующих произведениях оно совершенствуется, расширяется круг словообразовательных моделей, используются разнообразные переосмысления готового языкового материала.

Новаторство писателя проявляется, прежде всего, в том, что он творчески использовал возможности всех уровней языковой системы с целью добиться максимальной точности выражений действий, признаков, определенных - понятий. Б. А. Пильняк сумел разнообразить выразительные средства языка для передачи тончайших оттенков мыслей, чувств, для выражения авторского видения мира.

Творчество Бориса Андреевича Пильняка выделяется сложностью своего развития и напряженным внутренним драматизмом, что было предопределено постоянным поиском новых форм и смелыми художественными экспериментами. Видимо, поэтому все произведения Пильняка, созданные в пору расцвета его литературного таланта, неизменно оказывались в сфере повышенного, а порой и бурно-активного интереса не только критиков, но и читателей.

Как мастер художественного языка автор ориентируется на речевую форму сказа (воспроизведение устного, звучащего слова), восходящую к Н.С.Лескову и обкатанную в модернистской прозе А.М.Ремизова и того же Белого. «Голый год» Пильняка выступил в роли транслятора стилистических достижений ведущих мастеров 1900–1910-х поколению писателей, пришедших в литературу на революционной волне.

Автор, подобно поэтам-футуристам, создает синтетическое произведение, где художественный смысл содержит не только звукопись, но и типографский набор текста, его размещение на странице: игра разными шрифтами, курсивом, формой полей и т.д. «Голый год» можно с полным правом назвать первым в советской литературе авангардистским произведением крупной эпической формы. С точки зрения исторической поэтики этот роман, безусловно, сыграл свою роль и в том, чтобы сказ утвердился как одна из ключевых повествовательных техник в отечественной прозе 1920-х (А.Веселый, М.Зощенко, И.Бабель и т.д.). Принято считать, что «Голый год» сформировал целую «школу Пильняка» в молодой советской литературе, способствовал рождению такого яркого явления 1920-х, как «орнаментальная проза».

§2. Основные способы образования индивидуально-авторских слов Б.Пильняка

В конце XIX — начале XX вв. в русской литературе отмечен сложный, вместе с тем плодотворный процесс развития модернизма, основные принципы которого нашли отражение в творчестве многих писателей и поэтов. В этот период особая роль в художественном произведении отводится языковым средствам.

Интенсивный процесс словотворчества Б. А. Пильняка охватывает, прежде всего, имена прилагательные в силу их особой значимости в тексте и скрытой предикативности.

Сложение прилагательных — один из традиционно излюбленных способов образования индивидуально-авторских авторских слов, в которых соединение смыслов призвано образовать новый смысл и сконцентрировать этот сложный смысл в одном слове.

В прозаической речи Б. А. Пильняка нередко соединения разнородных признаков, которые взаимосвязаны друг с другом: *«Очень занятно наблюдать за самим собой, за тем, как могут в человеке идти рядом две жизни: одна —*

*та, моя, которая не связана никаким местом, ничем зависящим от места и времени, моя, мысленная, - и другая — та, китайская, **буднично-писательская** жизнь, когда я хожу, смотрю, вижу, слушаю...» (5: 249).*

Буднично-писательский - будничн(ый)+о+писательский.

*«Земля окончательно не реальность, а некая метафизическая вещь, - и что эта нереальность огромная, мишная, **болотно-лешачья**» (Голый год, 267). Болотно-лешачий — болотн(ый)+о+лешачий.*

Сложные авторские слова с сочинительным отношением основ являются важным средством характеристики внутренних качеств и внешних свойств персонажей: *«Бабы отодвигаются к двери, с лицами **наивно-безразличными и затаенно-испуганными**» (2: 192).*

Среди окказиональных эпитетов в прозе Б. А. Пильняка обращают на себя внимание наименования цвета. Окказиональные цветообозначения представляют собой сложные лексемы: *«остался нос его (Ивана Альфонсовича) **невозмутимо-багровым**» (12: 51). Невозмутимо-багровый - невозмутим(ый)+о+багровый.*

*«Керосин никогда не ярок, красноват, почти такой, при котором можно держать открытыми **бромисто-серебряные негативы!**» (Машины и волки, 230). Бромисто-серебряный — бромист(ый)+о+серебряный.*

Писатель использует необычные цветовые эпитеты для описания природы: *«Небо поднималось выше и синело, а в сумерки оно было **зеленовато-зыбким и манящим грустью**» (3: 170). Зеленатовато-зыбкий — зеленоват(ый)+о+зыбкий.*

*«Утром же красным пожаром горел восход и поднималось большое солнце на **влажно-синее небо**» (3: 174). Влажно-синий — влажн(ый)+о+синий.*

*«Дымы пароходов и заводских труб за Ван-пу поднимаются в небо, вырываются из бульона удушья - к той небесной сини, которая сейчас подменена этим **серебристо-зелено-блевотным туманом...**» (5: 249).*

С помощью окказиональных композит Б. А. Пильняк подчеркивает специфический, национальный колорит описываемого: «*Страна, знающая в своей истории **национально-монастырское** затворничество, — стала великой державой в том смысле этого слова, как его понимают европейцы, - европейски-великой державой*» (6: 110). Национально-монастырский — национальн(ый)+о+монастырский.

В сложных окказиональных прилагательных с однородными признаками происходит соединение семантически близких признаков: «*Борис закуривает. Спичка освещает бритое его, **холено-полное** лицо*» (2: 86). Холено-полный — холен(ый)+о+полный.

В прилагательных с подчинительными отношениями основ компоненты, предшествующие опорному, носят по смыслу уточнительный характер, конкретизируют содержание опорного компонента: «*В конторе около дежурного томятся старосты и, изменяя голоса на какой-то **нелепо-сладостный** и **гнушно-пискливый**, наперебой, корчась, угощают дежурного*» (2: 196).

«*И когда кумышка вся, князь Борис уходит из комнаты, идет медленно, **нарочито-уверенными** шагами*» (2: 105-106). Нарочито-уверенный — нарочит(ый)+о+уверенный.

«*И все слилось в гулкий, **весенне-дождевой** шелест*» (12: 157). Весенне-дождевой — весенн(ий)+е+дождевой.

«*И и все (японцы) стали понемногу тяготиться этим **неистово-диким, неукротимым бусидо***» (6:129).

Неистово-дикий — неистов(ый)+о+дикий.

«*Так мы едем до **японобиблейской** Одавары*» (6: 56).

Японобиблейский — япон(ский)+о+библейский.

«*Когда мы говорим о бусидо в его феодалистическом и сегодняшнем **банзай-патриотическом** аспектах, взор невольно останавливается на выпуклых одиозных очертаниях*» (6: 135).

Банзай-патриотический — патриотический+банзай.

Как известно, банзай — сокращенный вариант боевого клича: «Тэнно: Хэйка Бандзай». Следовательно, патриотический клич = патриотический банзай. Сложное окказиональное прилагательное *банзай-патриотический* образовалось с помощью инверсии.

К подчинительному типу относятся сложения с опорным компонентом-качественным прилагательным и предшествующей ему основой прилагательного, вносящей сравнительно-конкретизирующее значение: «В ней (Марье-табунщице) *такая зверино-мудрая степенность и медленность*» (7: 124). Зверино-мудрый — зверин(ый)+о+мудрый.

Для выражения сравнения Б. А. Пильняк использует сложное притяжательное прилагательное, образованное от сочетания имени собственного в Р.п. и узуального прилагательного:

*«Были по лесам и по дорогам **стеньки-разина-разбойничьи** свисты, посвисты, насечки, замети, приметы, разгул и удаль по лесам и разбою»* (7: 100).

Стеньки-разина-разбойничий — Стеньки+Разина+разбойничий.

Создавая авторские слова, состоящие из нескольких компонентов, Б. А. Пильняк пытается выразить сложное, слитное, синкретичное значение, заключенное в данном слове.

В словотворчестве писателя отмечено также подчинительное сложение с опорным компонентом — прилагательным цветового значения и уточнительным компонентом, который может давать оценочную характеристику цветовому оттенку:

*« — Тимофей — с открытым ртом, откуда торчат **странно-белые** и большие зубы»* (7: 64).

Странно-белый — странн(ый)+о+белый

В Русской грамматике — 80 к подчинительным сложениям относятся также прилагательные с опорным компонентом *-подобный*. Б. А. Пильняк активно использует данную модель, расширяя таким образом круг потенциальных слов. *«Я не стал мешать женщине, этой женщине в*

бабочкоподобном *оби, японском поясе* » (6: 13). Бабочкоподобный — бабочк(е)+о+подобный.

В. Гофман отмечал: «Трудно исчислить многообразие стилистических категорий, использованных Б. А. Пильняком. Словарь и стиль Петровского времени, знак стилистической манеры древней летописи, стиль поваренной книги, официальных реляций, свод законов, отчетов, ведомостей, протоколов, отношений, писем, записок, дневников, объявлений, научных наблюдений» [Гофман 1928: 33]. В художественной речи писателя можно обнаружить свойственные научной речи сложные прилагательные, второй частью которых служит указывающий на значение сравнения продуктивный связанный элемент *-образный*, имеющий значение «подобный тому, что названо первым компонентом»: «*Во мраке кедров, на площадке скалы, три стороны которой падали вниз обрывами, стоял монастыреобразный храм, в алтарях которого покоились лисы*» (15: 222). Монастыреобразный — монастырь+е+образный.

«*Волосы одного (англичанина) заброшены назад, как у русского семинариста, - и, как у русского семинара, - мочалообразны*» (13:172). Мочалообразный—мочал(о)+о+образный.

«*Был закат, и на лилиеобразном минарете кричал муэдзин*» (14: 170). Лилиеобразный —лили(я)+е+образный.

«*И все это через заборы собакообразных никтошек, - заборы, через которые я (автор) лазил в одинаковой мере столько же, сколько и профессор Йонэкава*» (6: 87). Собакообразный — собак(а)+о+образный.

Традиционно в художественной речи популярны сложные прилагательные с нулевым суффиксом и опорной основой существительного — названия части тела человека, животного или части растения. Такие образования частотны и у Б. А. Пильняка.

Окказиональные композиты с подчинительным типом основ, где опорный компонент является соматизмом, а зависимый представляет собой либо свойства предмета, либо выражает оценку, либо вносит признак

сравнения с определенным денотатом, позволяют передать особенности внешнего облика персонажей. *«На площадях, если это пустыня зноя, в пыльных смерчах немотствуют верблюды, утверждающие «ночь Азии» и «змеиную азийскую мудрость», змеиношеие, драконоголовые верблюды, покойные, как Азия»* (16: 87). Змеиношейей -змеин(ая)+о+шея+(ий).

Одна из частей композит-соматизмов может выражать оценку. Например, Б. А. Пильняк часто использует в качестве опорного компонента слова синонимического ряда с общей семой «лицо»: лицо и рожа. Слово *лицо* нейтральной стилистической окраски, поэтому большое значение имеет первая часть композит-соматизмов: *«Снеж, борт-механик, сосредоточеннолицый, лез с парашютом в руках на фюзеляж»* (4:228). *Сосредоточеннолицый* — *сосредоточенн(ое)+о+лиц(о)+0(ый)*.

«Пимен Сергеевич сидел против него — громадный старик, седоволосый и волосатый, ворчливолицый» (1:16). *Ворчливолицый* — *ворчлив(ое)+о+лиц(о)+(ый)*.

Слово *рожа* - грубо-просторечное, обычно оно выражает негативную эмотивность. Однако у Б. А. Пильняка композиты с данным компонентом могут иметь как положительную, так и отрицательную оценку. *«Стоит помощник капитана в растерзанной форменной куртке, с волосатой грудью наружу, такой меднорожий и оплывший — »* (1:15). *Меднорожий* — *медн(ая)+о+рож(а)+(ий)*.

«Подъехала тачанка, оратор влез на нее, усатый, немолодой, злобнорожий (хоть в обыденках, должно быть, добрейшей души человек)» (17: 84).

Сложно-суффиксальные прилагательные с материально-выраженной суффиксацией представляют собой однообразную группу с точки зрения структуры: все они образованы от основ имен существительных.

При субстантивном опорном компоненте в словотворчестве Б. А. Пильняка чаще всего оказывается задействован суффикс -н-, с помощью которого образуются сложные прилагательные, имеющие значение

«относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения».

Наиболее частотной среди них является словообразовательная модель «основа прилагательного+основа существительного+н».

Такие адъективные образования представляют собой характеристику внешнего облика человека: *«Горские евреи, выходцы с Кавказа, — **гибкостанные**, высокие, медлительноловки, потомки хозар»* (13:45). Гибкостанный —гибк(ий)+о+стан+н(ый).

*«И как только затих вой гудка, пароход завыл иным воем — воем слез, прощания, проклятия, воздеваемых к небесам рук, закинутых к небесам голов и **острокадычных** шей»* (13:36). Острокадычный — остр(ый)+о+кадык+н(ый).

*«И все поля, все эти **комнатновеличинные** учреждения для проращивания риса, соединены между собою сложнейшей и требующей окончательной внимательности оросительной системой»* (6: 58).

*«Пестрые женщины вдоль этих траншей фашинных кладок и **синеширокопорточные** гологрудье землекопы представляли жизнь и русские древности»* (1: 152). Синеширокопорточный — син(ие)+е+широк(ие)+о+порток(и)+н(ый) [к//оч].

В последнем примере сложно-суффиксальное прилагательное состоит из 3-х основ, что делает характеристику персонажа более яркой и емкой по семантике.

Окказиональные прилагательные данной группы представляют собой метафорическую характеристику объекта: *«Против дома монастырские ворота, справа соборная площадь, исхоженная столетиями, истомленная многими зноями, за соборную площадью ордынинский дом, тоже архитектуры холуйской, сзади обрыв, поросший **медноствольными** соснам»* (2:63).

Медноствольный — медн(ый)+о+ствол+н(ый).

Б. А. Пильняк использует также прилагательное с суффиксом *-тельн-*, который имеет, в соответствии с общеязыковой традицией, значение «производящий действие, названное опорной основой и уточненное в первой основе»: «**В общежительном отношении эта страна — европейцу неудобна**» (6: 74). Общежительный — общ(ее)+е+жи(тье)+тельн(ый).

Имена прилагательные в русском языке имеют разветвленную систему словообразовательных суффиксов (их свыше 50), однако в романе суффиксальные окказиональные прилагательные немногочисленны.

«*В заполденный уповод, в отдых, приходила Наталья на раскопки*» (2: 130).

«*Ты очень фразичен, товарищ Юзэф!*» (2: 169). Фразичный — фраз(а)+ичн(ый) [з//з'].

«*На животе женщины и в пахах высыпала ровная мраморноватая холодная - сифилитическая - сыпь*» (2: 194). Мраморноватый — мраморн(ый)+оват(ый).

Метафорические прилагательные с суффиксом *писатель* также использует для выражения скрытого сравнения: «*Эти вот, в кожаных куртках каждый в стать, кожаный красавец, каждый крепок, и кудри кольцом под фуражкой на затылок, у каждого крепко обтянуты скулы, складки у губ, движения у каждого уютжны*» (2: 199). Уютжный — уютг+н(ый) [г//ж].

Префиксация является одним из самых продуктивных способов словообразования прилагательных в русском языке, однако в языке писателя таких слов оказалось мало.

Прилагательное с префиксом *интер-*, обозначающее «находящийся между одинаковыми явлениями»: «*Барышни всегда были и будут интерполитичны*» (2: 150).

Создавая авторские слова, состоящие из нескольких компонентов, Б. А. Пильняк пытается выразить сложное, слитное, синкретичное значение, заключенное в данном слове.

В словотворчестве писателя отмечено также подчинительное сложение с опорным компонентом - прилагательным цветового значения и уточнительным компонентом, который может давать оценочную характеристику цветовому оттенку: «*Тимофей — с открытым ртом, откуда торчат **странно-белые** и **большие** зубы*» (2: 64). Странно-белый — странн(ый)+о+белый.

В результате анализа адъективных авторских слов Б. А. Пильняка выявлено, что ведущим способом образования является *сложение*. Это совпадает с продуктивностью данного способа в общелитературном языке.

Глагольные окказиональные образования занимают вторую позицию по частотности употребления. Окказиональные глаголы в прозе Б. А. Пильняка представляют многочисленную группу. В словотворчестве Б. А. Пильняка наиболее продуктивным способом образования глаголов является суффиксация. Писатель «смело «оглаголивает» слова-корни для передачи динамики мысли и действия, для создания новых емких образований, передающих процессуальность.

«*С каждой истерикой стоянок, коими **эпилепсировал** поезд, передвигаясь по карте Европейской Российской Равнины от периферии к Москве*» (2: 59). Эпилепсировать — эпилепс(ия)+ирова(ть).

Особенностью окказионального словотворчества писателя является использование составных наименований с дефисным написанием, которое соединяет единицы, обозначающие одновременно происходящие действия: «*Прошел мордовский поселок и на русской стороне постучал в окошко, в первую избу, за окном **горела-тлела** лучина*» (2: 176). Гореть-тлеть — гореть+тлеть.

«*Марк ушел. Я (Арина) осталась **стоять-следить***» (2: 146). Стоять-следить — стоять+следить.

«*Баба Никонова, в плисовой безрукавке и в паневе лилового горошка, рогатая по старине, с грудями, **вытирающими**, как вымя, да и с*

лицом по-коровьи дебылым, сидела за станом, хлопала-ткала. (2: 222).

Хлопать-ткать — хлопать+ткать.

«Среди деревьев в серой мути, потрескивая сучьями, бежит-трусит белый дедка» (2: 228). Бежать-трусить — бежать+трусить.

Окказиональные деепричастия в словотворчестве Б. А. Пильняка немногочисленны. *«Знойное небо льет знойное марево. Зноясь на солнце на пороге у келии, черный монашек старо-русские песни мурлычит»* (2: 99). Зноясь — зноить.

Следует отметить группу окказиональных глаголов, обозначающих состояние, названное мотивирующим существительным:

«Маленькие трагедии — тому, кто трагедийствует — бывают иной раз больше мира — » (7: 57).

Трагедийствовать — трагеди(а)+ствова(ть).

«Трое живых горячествовали тифом» (4: 171). Горячествовать — горячк(а)+ествова(ть).

«Яков Карпович топтался босиком и голубком вокруг Полторака, примащиваясь к нему, то хихикая и хмыкая, явно хитруя, то проваливаясь в злую и очень покойную серьезность, - Яков Карпович жительствовавал (1: 54). Жительствовавать — жительство(о)+ствова(ть).

Последний пример требует комментария. В современном языке *жительство* определяется как «место проживания», однако у В. Даля находим: *жительство* - стар, «образ жизни, жития». Следовательно, в данном случае значение глагола может быть определено следующим образом: «вести себя так, как свойственно обычно данному человеку, его поведению, образу его жизни».

Субъектами действий могут выступать также неодушевленные существительные. Окказиональные глаголы служат здесь средством персонификации и позволяют Б. А. Пильняку создать выразительную картину окружающей обстановки:

«Дом **покойствовал** тишиной» (2: 220). Покойствовать — покой+ствова(ть).

«У нас сам человек только за то, что он человек, борется с поправкой на жулика, и человек поправку выполняет, ворует, **растратчествует**, предает, насилует, издевается над всем, над чем угодно» (1: 209).

«Российский восток **нирванствовал** опиумом и анашой, засаленными нарами эротических снов перед приходом милиции» (4: 204). Нирванствовать — нирван(а)+ствова(ть).

«Красное дерево, его обломки, сваленные по углам, и его обломки, приведенные в строгий и старый порядок, восстанавливавший старые эпохи, отполированные стариною, - **средневековствовали** в полумраке подвала, в серых паутинах» (1: 77).

«Вешки на дорогах **монгольствуют**» (1:138), т.е. стоят одиноко, как монголы. Монгольствовать«—монгол+ствова(ть) [л//л']».

«Кабинет **вольперьянствовал**» (1:63). Вольтерьянствовать — вольтерьянств(о)+ствова(ть).

Таким образом, созданные Б. А. Пильняком глагольные образования играют, несомненно, важную роль в понимании содержания произведения и в восприятии авторского замысла. Они позволяют передать оттенки действия, изменить значение глагола путем внесения коннотативных сем, придающих единицам иные смысловые нюансы.

Традиционно имя существительное в словообразовательном отношении — самая богатая часть речи.

Существительные с субъективно-оценочными значениями выражают непосредственное отношение автора к ситуации, героям, явлениям. Для данных образований характерен оттенок либо сердечности, ласкательности, уважительности, либо ироничности, уничижительности. Эти оттенки значения выражены коннотативно в суффиксах, придающих образованной единице экспрессивно-эмоциональную, субъективную модальность, являющуюся сущностью коммуникативного процесса, в котором мысль

существует как эксплицитная информация. «... лишь Красная армия, в драных **шинеленках**, мелкими кучками — и тысячами — перла и перла вперед» (2: 204). Шинеленка - шинель+енк(а).

Вторым по продуктивности среди окказиональных существительных является способ сложения.

Окказиональные композиты могут служить средством стилизации текста под разговорную речь: «Увидел (я) землю по весне, красоту ее безмерную, **правду-мудрость** божью почувствовал, и испугал меня грех мой» (2: 108).

Трехкомпонентные окказиональные единицы могут быть образованы на базе фольклорной метафоры: «Бабым летом, когда черствеющая земля пахнет, как спирт, едет над полями **Добрыня-Златопояс-Никитич**» (2: 215). «Солнце проходило знойное свое **солнцеputьe**, томил день зноем, звоном тишины, дрожали дали мелкою знойной дрожью, как расплавленное стекло» (2: 130). Солнцеputьe — солнц(а)+e+путь+] [э].

«Красное дерево, его обломки, сваленные по углам, и его обломки, приведенные в строгий и старый порядок, восстанавливавший старые эпохи, отполированные стариною, - **средневековствовали** в полумраке подвала, в серых паутинах» (1: 77). В данном случае окказионализм был создан по аналогии с узуальным существительным *Средневековье* (Средние века). Следовательно, *древневековье* — древние века.

«- Зришь, что творится в России? — Известное дело - **Хамодержавие**, голод, разбой, - что творится!...» (2: 70). *Хамодержавие* — хам+(сам)одержавие.

Окказионализм *хамодержавие* создан по аналогии с существительным *самодержавие* - «правление царя-самодержца; царское правительство». В Толковом словаре В.И. Даля зафиксированы следующие значения существительного *хам*: «1. устар. Презрительное название крепостного крестьянина, а также человека, принадлежавшего к низшим классам общества. 2. Грубый, наглый человек». В данном контексте наблюдается

совмещение двух указанных значений существительного *хам*, то есть *хамодержавие* - это правление хамов. Создание ряда однородных членов *хамодержавие, голод, разбой* лишь усиливает пейоративную коннотацию данного высказывания.

Анализ общественных явлений по аналогии с физиологическими особенностями человеческого тела, выявление в инстинктах человека звериной природы имеют для Б. А. Пильняка концептуальное значение. Наиболее важными представляются особенности отношений центральных (внутренних) и периферийных («человеческое мясо») органов. Во всем и везде писатель находит взаимодействие подобных пар, противоположностей, которые составляют трудно угадываемый ряд оппозиций: *«Доктор Ахматов рассказал мне о том, чего я не знал, что недавно открыли немцы, - о том, что в человеческом организме, оказывается, существуют два сердца: одно общеизвестно, а другое — его немцы называют периферическим сердцем — другое: самые кончики, самые мельчайшие сосудики артерий, в том месте, где они переходят в вены, где кровь из артериальной становится венозной, - эти сосудики вооружены нервами и мышцами, - эти **нервы** и **мышцы** помогают большому сердцу; у, - миллионы этих **нервинок** и **мышчинок** составляют периферическое сердце»* (18: 239).

Нервинка — нерв(ы)+инк(а) [в//в']; мышчинка — мышц(ы)+инк(а) [ц//ч].

В данном примере Б. А. Пильняк использует прием столкновения в пределах одного контекста производящего узуального (*нервы, мышцы*) и производного окказионального слова (*нервинки, мышчинки*), что позволяет усилить экспрессию и выразительность изображаемого.

Таким образом, в процессе работы над текстом Б. А. Пильняк прибегает к различным способам актуализации деривационной структуры окказионализма, позволяющим осмыслить семантику и прояснить стилистическую сущность образования, раскрыть его взаимосвязь с другими элементами произведения.

Анализ окказиональных образований писателя открыл их многофункциональный характер, обнаружил (в большинстве случаев) их полифункциональность в контексте предложения и парадигматике текста.

§3. Особенности функционирования окказиональных образований в прозе Б. А. Пильняка

Б. А. Пильняк - представитель русской орнаментальной прозы, являющейся, по словам Л. А. Новикова, своеобразной «гибридной» формой художественной речи, совмещающей в себе характерные черты прозы и поэзии, которая вся пронизана тропами и фигурами. Вводя понятие орнаментального поля, исследователь отмечает, что «системно-функциональная сущность орнаментального поля как единого художественного целого определяется установкой на максимальную образность» [Новикова 2001: 414]. И.Е.Карпенко выделяет главные признаки орнаментального идиолекта Б. А. Пильняка — лейтмотивность и метафоричность, которые в тексте его произведений выполняют поэтическую функцию. Она реализуется на уровне контекстуальном и микротекстовом при помощи метафор, метонимий, метаморфоз, сравнений, различных видов повтора и других средств [Карпенко 1993: 14-15].

Авторские слова расширяют пространство действующих в языке словообразовательных типов и создают целый арсенал художественных изобразительных средств. Доминирующее свойство окказионального слова, отклоняющегося от нормы и потому подчеркнуто экспрессивного, заключается в его неразрывной связи с контекстом, образовании с ним единого эстетического целого [Харченко 1999: 104-105].

В прозе Б. А. Пильняка окказиональные образования выполняют различные функции: номинативную, экспрессивную, конструктивную, компрессивную, интертекстуальную, эстетическую и др. Следует отметить, что достаточно часто авторские слова в произведениях писателя одновременно выполняют несколько функций.

Рассмотрим наиболее характерные функции окказиональных образований Б. А. Пильняка.

Если в национальном языке новое слово в общем призвано выполнять номинативную функцию, то в поэтической речи авторский неологизм уже сам по себе экспрессема — специально созданное средство художественной выразительности, единица поэтического языка [Григорьев 1979: 12]. Именно поэтому все авторские слова писателя выполняют стилеобразующую функцию, так как использование их в тексте художественного произведения - само по себе функция.

Выступая в функции художественной номинации, окказиональные образования называют какие-то реалии, часто новые, или служат для переименования старой — предмета, действия, признака. *«Мне бы провожатого, господин-товарищ»* (9: 44); *«Ты (Некульев), товарищ-барин, рассуди толком»* (9: 27). Обратим внимание на авторские слова *господин-товарищ* и *товарищ-барин*, которые используются писателем в речи крестьян в функции обращений. Оксюморонный характер данных единиц актуализирует в контексте общую тему произведения, связанную с непониманием и полным неприятием крестьянством нового лесника — представителя советской власти.

Среди авторских слов Б. А. Пильняка обращают на себя внимание наименования цвета. Неузואальные цветообозначения представляют собой, как правило, сложные лексемы. *« — керосин никогда не ярок, красноват, почти такой, при котором можно держать открытыми бромисто-серебряные негативы!»* (7: 230). *«Небо поднсталось выше и синело, а в сумерки оно было зеленовато-зыбким и манящим грустью»* (3: 170). *« — дымы пароходов и заводских труб за Ван-пу поднимаются в небо, вырываются из бульона удушья - к той небесной сини, которая сейчас подменена этим серебристо-зелено-блевотным туманом...»* (5: 249).

Такая палитра цветовых номинаций «отражает цветовидение автора и тональность восприятия им окружающей среды» [Павлюченкова 2008: 100].

Компрессивная функция заключается в том, что авторские слова служат для замены синтаксической конструкции однословными наименованиями. «*Скулы Садыкова землили, и плечи сутулились*» (1: 25), т.е. становились темными и шероховатыми, как земля. «*Ныло сладкою болью неизбытное тело*» (3: 171), т.е. неспособное избыть боль. «Годы у женщины сменяют *солнечность лунностью*» (9: 30).

Издавна понятие луны и солнца образуют мифопоэтическое бинарное единство. *Солнечность* - это юность, самая светлая и беззаботная пора в жизни человека. Окказиональное существительное *солнечность* из приведенного примера представляет собой совмещение прямого и переносного значений прилагательного *солнечный* — «прилаг. к солнцу» и «радостный, светлый, счастливый». *Лунность* - это зрелость, мудрость. Авторские слова *солнечность* и *лунность*, образующие антонимическую пару и обозначающие различные периоды жизни человека, у Б. А. Пильняка призваны осуществить функцию компрессии, сжато обозначить ситуацию.

Конструктивную функцию в прозе писателя выполняют, например, адвербиальные образования: «*Над Россией весна, великий пост, - когда ветрено, ручейно, солнечно*» (8: 201). «*В Америке сытно, обутно и одетно*» (8: 193).

В данных примерах авторские слова используются в целях изменения структуры речи: идет упрощение ее синтаксического строения.

Следует сказать и об обобщающей функции окказиональных образований, так как они могут выражать сущность довольно сложных явлений. «*У нас, товарищи, не социализм, а скотализация*» (12: 86). По аналогии с существительными типа *капитализация, социализация*, обозначающими переход к тому периоду, состоянию, которое обозначено в производящей основе, окказиональное существительное *скотализация* также указывает на процесс перехода, в данном случае - к скотскому состоянию, никак не связанному с прогрессом, движением вперед.

Одно слово вобрало в себя всю суть советской эпохи с ее подчас необъяснимыми законами жизни, с бесконечными противоречиями, из ряда вон выходящими явлениями.

Другую функцию авторских слов — акцентную — выполняют образования, являющиеся обозначением понятий, которые уже имеют свое лексическое выражение в языке. Такие окказиональные единицы призваны служить акцентированию, привлечению внимания читателя к известному понятию или явлению с целью выделения в нем каких-либо отдельных качеств, свойств. *«Для одного тогда — войны, победы, командирство над пушками, людьми, смертями»* (10: 459).

В контексте данного предложения с помощью окказионального образования *командирство* Б. А. Пильняк делает акцент не на пребывании человека в должности командира, а на состоянии власти *над пушками, людьми, смертями*.

Экспрессивная функция окказиональных образований заключается в том, что производное слово выражает субъективное отношение говорящего, его оценку по отношению к тому, что именуется, или адресату речи, его микромиру.

Экспрессивные авторские слова могут выражать отрицательную оценку: *«— хохотали девки-тачечницы, которых точнее назвать — не девками, не женщинами, а — девкищами, ибо были они в пыли и в запахах дневной работы, похожими на каменных из раскопок баб»* (4: 200). *«В каждой газетине были стихи о воле, земле и труде»* (8: 210). В данных примерах значение увеличительности совмещается со значением «уничижительности» и пренебрежительности.

Другие окказиональные образования, напротив, выражают положительную оценку: *«Ландышек одевайся, за мной зайдет машина, я тебя прокачу и отвезу домой»* (10: 459). *«Я (Наталья Николаевна) думала о тебе, милый, кузеник»* (12: 68). Данные авторские слова образованы с

помощью суффиксов *-ик-/-ек~*, имеющих ласкательное экспрессивное значение.

Авторские слова в прозе писателя выполняют *интертекстуальную функцию*. Они служат средством отсылки к произведениям русского и зарубежного искусства, мотивируются именами писателей, литературных героев, исторических деятелей, образуются на базе мифонимов. *«Было ясно, что Дмитрий Николаевич вкладывал в эту песнь все свое сердце, а может быть, и судьбу, - он был холост и есенински - лиричен»* (2: 323). *« — не случайно густитствует Штейнер и лойольствует Шпенглер»* (8:173), т.е. разделяет взгляды, является последователем национального героя чешского народа Яна Гуса и безжалостного фанатика, основавшего орден иезуитов, Игнатия Лойолы.

Некоторые окказиональные единицы становятся художественными символами: *«На площади за всероссийски-гоголевской лужей, в доме Старковых до революции жил акцизный чиновник Керкович»* (7: 226).

В произведениях Б. А. Пильняка «всероссийски-гоголевская лужа» становится символом русской провинции.

С творческой программой писателя-орнаменталиста тесно связана эстетическая функция авторских слов: неповторимый индивидуально-авторский художественный образ рождается как соединение различных словообразовательных элементов в необычном слове, помещённом в нестандартный контекст.

Являясь ключевыми художественными словами высказывания, окказиональные образования становятся каким-либо тропом, фигурой или входят на правах ключевого компонента в структуру развернутого тропа. Наиболее частотные для творчества писателя изобразительные средства — это метафора, сравнение, эпитет и повтор.

В прозе Б. А. Пильняка широко распространены окказиональные метафоры, особенность которых заключается в их взаимодействии с другими тропами:

- метафорические эпитеты

«*От неба до земли **худоребрый** ветер*» (8: 205);

- метафоры-сравнения

«*...толпа влезала на хребты **слоноподобных** автобусов...*» (8:161);

- метафоры-олицетворения

« — *данный вопрос является не бесстрастной академической проблемой, а вопросом **трепещуще-живым** и **учащенно-пульсирующим**, вопросом **наиаktуальнейшим***» (6: 142);

« — *на полу под кроватью чуть заметно **обывательствовал** ночной горшок*» (1: 25).

Б. А. Пильняк тяготеет к развернутой метафоре, которая за счет расширения метафорического контекста позволяет привлечь внимание читателя к описываемому явлению. Например, в повести «Иван Москва» писатель использует наглядное сопоставление «физиологии» женщины и государства: «*Женщина исчезла в его (Ивана Москвы) сознании, сознание помутнело — он увидел, как на стул село некое **громаднейшее государство**. Он увидел миллионы **нечеловекоподобных людинок**, которые бежали, катились, текли по этому закупоренному кожей **сложнейшему государству** — от *perpetuum mobile* *serdifa* к кухням кишок, к озонаторам легких, к лабораториям мозга. <...> За эпидермисом, мальпигиевыми слоями и марками кожи — **поистине сложнейшее жило государство** красных и белых **кровяных людинок**, **лилового человеческого мяса**, **белых костей и нервов**, **страданий, радостей, соображений, сознательного и бессознательного, такого, что не познано еще корою большого головного мозга***» (4: 208).

Писатель нарочито подробно описывает человеческое тело. Повторное введение окказионализма *людинки* заставляет читателя обратить внимание на противопоставление **громаднейшего государства** (большого, сильного) и **миллиона людинок** (маленьких, незначительных). Красные и белые клетки (эритроциты и лейкоциты) в организме человека играют важную роль, так как повышение концентрации или тех, или других приводит к смерти. Так и

в «*государстве красных и белых кровавых людинок*» должны быть гармония и равновесие, чтобы оно смогло избежать гибели. Таким образом, в данном примере лексема *людинка* важна не только как словообразовательный окказионализм, но и как метафора и референт сравнения.

Окказиональные метафоры в прозе Б. А. Пильняка основаны на субъективных ассоциациях писателя и отражают его художественно-эстетическую оценку действительности.

Эстетическую функцию авторских слов демонстрируют *сравнения*, которые по частотности употребления занимают одно из ведущих мест в системе средств художественной выразительности Б. А. Пильняка. Их структура в произведениях писателя разнообразна. Окказиональная лексема может входить в состав сравнительного оборота.

Б. А. Пильняк для выражения сравнения использует окказиональные единицы с суффиксом -j: «*Горничная — уже не проститутьи кокетливо, уже не злобно, - но глубоко по-человечески, матерински-нежно толкала человека с остановившимися глазами к постели*» (4: 210). «*Все деревянное в долге было сожжено для утешения, ворота ощерились сучьи*» (8: 115). В данном примере окказиональное сравнение актуализирует олицетворение (ворота ощерились).

Привлекают внимание сложные окказиональные образования-сравнения. Они оригинальны в плане новизны и индивидуальности. Как средство выражения сравнения Б.А. Пильняк использует сложные окказиональные прилагательные, существительные и наречия, которые выполняют изобразительно-конкретизирующую и эмоционально-оценочную функцию. «*У Лидии Евграфовны карие глаза, тонок горбатый нос, и она хищно-красива*» (2: 94).

В композите *хищно-красивая* сравнительно-уподобительное значение («красива как хищница») сочетается с метафорически-оценочным, актуализирующим ряд ассоциаций («хитрый», «лукавый», «кокетливый», «опасный» и др.).

Окказиональные сравнения интересны тем, что автор дает читателю возможность самостоятельно сформировать индивидуальное представление об образе.

Важное место в художественной системе Б. А. Пильняка занимают сложные эпитеты, являющиеся одним из излюбленных видов эпитетов писателя.

Сложные авторские слова с сочинительным отношением основ являются важным средством характеристики внутренних качеств и внешних свойств персонажей. Например, в рассказе «Год их жизни» при описании медведя Макара писатель использует повтор прилагательных с одним и тем же корнем (*сумрачно-серьезный, сумрачно-добродушный, добродушно-сумрачный*), таким образом подчеркивая мрачный, тяжелый характер животного. *«Макар за зиму вырос и стал таким, какими бывают взрослые медведи: сумрачно-серьезным, тяжелым и неуклюже-ловким»* (3: 177). *«Была у него (медведя) широкая, очень лобастая морда с сумрачно-добродушными глазами»* (3: 177). *« — строго смотрел (медведь) добродушно-сумрачными своими глазами»* (3: 179).

Следует отметить парадоксальные, оксюморонные сочетания основ в сложных прилагательных. Несовместимые, казалось бы, признаки приписываются одному и тому же денотату, рождая новое сложное понятие или представление: *«Макар за зиму вырос и стал таким, какими бывают взрослые медведи: сумрачно-серьезным, тяжелым и неуклюже-ловким»* (3: 177). *«Живому человеку иногда органически необходимо иметь легкое невинно-фривольное чтение»* (6: 138).

Б.А. Пильняк раздвигает рамки использования сложных прилагательных с нулевым суффиксом, которые в литературном языке обычно образуются лишь от названий частей тела человека или животного. Особенностью художественной речи писателя является распространение данного словообразовательного типа на другие виды основ: *«Стоят*

прокопченные, приземистые, широкопазые избенки рабочего поселка» (4: 221).

В поисках подходящего эпитета автор экспериментирует на уровне коннотации производящих слов. Например, окказиональный эпитет *добродушнорожий* (паренек) объединяет противоречивые по коннотации компоненты: *добродушный* - плюсовая, мелиоративная коннотация; *роза* — пейоративная, минусовая коннотация.

Б. А. Пильняк развивает традиционные пути создания эпитета, используя причудливые сочетания основ (от традиционных цветовых, эмоционально-оценочных до сочетаний разнородных по смыслу основ и даже оксюморонных). Создавая окказиональные прилагательные, писатель стремится сконденсировать в одном слове сложные значения, передающие оттенки смысловой ассоциации, подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему характеристику и оценку.

Выразительным приемом, который характерен для индивидуального словообразования писателя, является также *корневой повтор*, позволяющий акцентировать внимание на концептуально значимом понятии: *«Надо всеми этими юродами стояло, как бы сказать, луковицеобразное, голубое величие российского царства, покрывало нас горьких, как сыр и лук, потому что луковицы на церквах, как лук, есть символ луковой русской жизни»* (1: 61).

Сложные окказиональные прилагательные в прозе Б. А. Пильняка могут входить в состав такого художественного тропа, как метонимия:

«В Харбине на моей лекции, когда я (автор) открыл рот, чтобы говорить, подошел ко мне китае-офицero-полицейский чин и сказал, дословно, следующее: — Гавари — нельзя. Мала-мала пой, мала-мала танцуй» (6: 77).

В ряде единиц, относящихся к данному подтипу, следует отметить фонетические аллитерации, усиливающие ритмику текста: *«Серая рассветная муть сползла с земли, загорелся день, яркий- жаркий»* (2: 72).

В последнем примере Б. А. Пильняк использует свой излюбленный метафорический прием: невещественное выражается вещественным (*луковицеобразное величие*). Метафорический образ, получая развитие в контексте, наделяется символическим значением и осложняется рядом дополнительных, уточняющих сравнений, выраженных однокоренными словами: *горький, как лук; луковицы на церквах, как лук, как символ луковой русской жизни*.

Таким образом, анализ окказиональных образований писателя открыл их многофункциональный характер, обнаружил (в большинстве случаев) их полифункциональность в контексте предложения и парадигматике текста.

В результате функционального анализа окказиональных образований выявлено, что ведущей их функцией является стилеобразующая. Авторские слова выступают в собственно номинативной (*товарищ-барин, серебристо-зелено-блевотный*), экспрессивной (*девкища, ландышек, шинеленка*) и акцентной функциях. Следует отметить и конструктивную функцию. Создавая ряды одиоструктурных слов, Б. А. Пильняк упрощает синтаксическое построение речи (*В Америке сытно, обутно и одетно*).

Окказиональные образования используются как способ обобщения изображаемого (*скотололизация*). В контексте авторские слова выполняют также интертекстуальную функцию (*гуситствовать, иудинно*) и являются экономным способом выражения мысли (*скульпты Садыкова землели*).

Выполняя эстетическую функцию, окказиональные образования в прозе Б. А. Пильняка становятся ключевыми художественными словами в составе высказывания и поэтому не случайно используются в функции какого-либо тропа или входят на правах ключевого компонента в структуру развернутого тропа: сравнения, метафоры, олицетворения, метонимии и т.д. (*заборы собакообразных никтошек, горшок обывательствовал, ворота ощерились сучьи, луковицеобразное величие*). Однако эстетический эффект окказионализма создается не только за счет использования художественных тропов, но и за счет конструирования самого неузуального слова. Таким

образом писатель указывает на цель словотворчества, что позволяет выявить семантико-стилистическую сущность окказиональных образований.

Авторские слова, образованные от звукоподражаний, становятся выразительным средством фонетики для передачи звукового рисунка текста (*бот зафыкфыкал, тататакнул пулемет*).

Таким образом, авторские слова Б. А. Пильняка вступают в произведениях в образные синтагматические связи с контекстуальным окружением, выполняя акцентную, номинативную, обобщающую, конструктивную, экспрессивную, компрессивную, стилеобразующую, интертекстуальную и эстетическую функции.

Заключение

Окказиональные образования представляют собой важный составной элемент идиостиля Б. А. Пильняка и служат ярким художественным средством раскрытия авторского замысла.

Использование авторских слов в прозе писателя было вызвано как названными ранее общими причинами создания данных единиц в тексте, так и особыми целями:

- создать определенный эмоциональный настрой у читателя;
- разнообразить способы выражения авторской мысли;
- усилить стилистические свойства окказиональных образований;
- индивидуализировать авторскую речь;
- найти экономную и в то же время емкую форму создания образа;
- увеличить информативность авторской мысли.

Авторские слова, созданные Б. А. Пильняком, чаще всего являются реализацией продуктивных словообразовательных типов и представляют собой потенциальные слова. Основные способы словесно-художественного творчества писателя — сложение и суффиксация. По сложным окказиональным словам наглядно просматривается авторская индивидуальность Б. А. Пильняка.

При образовании авторских слов писатель активно использует практически все известные способы образования узуальных слов. С одной стороны, типичное в кодифицированном языке является типичным и в художественной речи Б. А. Пильняка, с другой стороны, создавая «свои» слова, писатель интуитивно типизирует большее словообразовательное пространство по сравнению с кодифицированным языком.

Анализ окказиональных образований писателя открыл их многофункциональный характер, обнаружил (в большинстве случаев) их полифункциональность в контексте предложения и текстов.

В результате функционального анализа авторских слов Б. А. Пильняка выявлено, что их ведущая функция — стилеобразующая. Потребность

создания авторских слов возникает при обозначении нового предмета, признака или действия, причем чаще всего номинация протекает в сфере абстракции. Наряду с номинативной, в художественной речи писателя используется экспрессивная, а также акцентная функции. Специфика проявления номинативного и экспрессивного функционирования окказиональных образований заключается в использовании аффиксов стилистической модификации и в образовании сложных слов. В контексте авторские слова выполняют также интертекстуальную функцию.

Отличительной особенностью стиля Б. А. Пильняка является вовлечение в окказиональное словообразование разнообразных по тематике композит, имеющих сравнительно-конкретизирующее значение. Эстетический эффект сложного слова создается не столько за счет использования художественных тропов, сколько за счет самого конструирования композита.

Таким образом, изучение окказионального словотворчества Б. А. Пильняка позволяет приблизиться к пониманию художественного мира писателя. Авторские слова становятся не только яркой приметой его идиостиля, но и демонстрируют словообразовательные и выразительные возможности русского языка в целом, познание закономерностей развития которого - актуальная проблема лингвистики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**I. Теоретические работы:**

1. Акубекова, Д. Г. Индивидуальный словообразовательный стиль и словотворчество: На материале произведений немецких писателей [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Д. Г. Акубекова. — Уфа, 2004.
2. Ауэр, А. П. О поэтике Бориса Пильняка [Текст]: учебное пособие для студентов/ А. П. Ауэр // Б. А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып.1. — Коломна, 1991. — С. 4-15.
3. Ахманова, О. С. О принципах и методах лингвистического исследования [Текст]: учеб. пособие для вузов / О. С. Ахманова, Л. Н. Натан, А. И. Полторацкий, В. И. Фатюшенко. — М., 1966. — 236с.
4. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно - семантический анализ [Текст]: учеб. пособие для вузов/ Н. Г. Бабенко. — Калининград, 1997. — 53 с.
5. Бабенко, Н. Г. Теория и практика лингвостилистического анализа [Текст] / Н. Г. Бабенко // Русский язык за рубежом. — 2008: — №2. — С. 30— 33.
6. Бакина, М. А. Новообразования в современной поэзии [Текст] / М. А. Бакина // Русская речь. — 1975. — №2. — С. 67— 135.
7. Борис Андреевич Пильняк: Библиографический справочник 1915-2005 [Текст] / сост. Л. Н. Костякова; М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт». — Коломна, 2006. — 190 с.
8. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Текст]: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по филолог, напр. и спец. / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 303 с.
9. Виноградов, В. В. Язык художественных произведений [Текст]/ В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1954. — №5. — С. 3— 26.

10. Виноградов, В. В. Наука о языке художественной литературы и ее задачах (На материале русской литературы) [Текст] / В. В. Виноградов. — Доклад IV Международного съезда славистов. — М., 1958. — 51 с.
11. Виноградова, В. Н. Стилистика и словообразование [Текст]/ В. Н. Виноградова // Русский язык в школе . — 1986. — №5. — С. 77— 82.
12. Виноградова, В. Н. Стилистический аспект русского словообразования [Текст]: учеб. пособие для вузов/ В. Н. Виноградова. — М.: Издательство «Наука», 1984. — 184 с.
13. Винокур, Г. О. Заметки по русскому словообразованию [Текст]/ Г. О. Винокур // История советского языкознания: Хрестоматия / Сост. Ф. М. Березин. — М.: Высшая школа, 1988. — С. 358 — 368.
14. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы [Текст]/ Г.О. Винокур; М.: Высшая школа, 1991. — 312 с.
15. Винокур, Г. О. Маяковский - новатор языка // Винокур, Г. О. О языке художественной литературы [Текст]/ Г. О. Винокур. — М.: Высшая школа, 1991. С. 321 — 407.
16. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка [Текст]: Учебное пособие для студентов вузов / И. Б. Голуб. — 4-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 442 с.
17. Гофман, В. Место Пильняка [Текст]/ В.Гофман // Мастера современной литературы / Под ред Б. В. Казанского и Ю. Н. Тынянова. — Ленинград: Издательство «АКАДЕМИА», 1928. — 118 с.
18. Граудина, Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты [Текст]: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. К. Граудина. — М., 1980. — 287 с.
19. Григорьев, В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии [Текст]: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений/ В. П. Григорьев. — М.: Наука, 1979. — 86 с.
20. Гумбольдт, В. Фон. Язык и философия культуры/ В. Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1984.

21. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст]: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. А. Земская // Русский язык начала XX столетия (1985-1995). — М.: «Языки русской культуры», 1996. — С. 90 — 141.

22. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование: [Текст]: учебное пособие / Е. А. Земская. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 328 с.

23. Карпенко, И. Е. Система языковых изобразительных средств орнаментальной прозы Б.Пильняка [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / И. Е. Карпенко. — М., 1993. — 17 с.

24. Касевич, В. Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса [Текст] / В.Б. Касевич// XVI Congries International des Linguistes. — Paris, 1997.

25. Клобуков, Е.В. Словообразование. Современный русский литературный язык [Текст]: учебное пособие / Е.В. Клобуков. — М., 2009.

26. Ковалевская, Е. Г. Вопрос об узуальном иokkaзиональном в лингвистической литературе [Текст]: учебное пособие/ Е. Г. Ковалевская//Узуальное иokkaзиональное в тексте художественного произведения. — Л.: Изд-во ЛГГТИ имени А. И. Герцена, 1986. — 136 с.

27. Костякова, Л. Н. Язык Бориса Пильняка: Средства художественной выразительности [Текст]: учебное пособие / Л. Н. Костякова; М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт». — Коломна: КГПИ, 2006. — 259 с.

28. Ларин, Б. А. О разновидностях художественной речи [Текст] учебное пособие / Б. А. Ларин // Эстетика слова и язык писателя. — Л., 1974. — С. 20-36.

29. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русскоеokkaзиональное слово) [Текст]: учебн. пособ. для ун-тов / А. Г. Лыков. — М.: «Высшая школа», 1976. — 120 с.

30. Маликова, Н. Ю. Фольклорное начало в поэтике Б. А. Пильняка. [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Маликова. — Коломна, 2004. — 163с.
31. Намиткова, Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект[Текст]: учебное пособие / Р.Ю. Намиткова; Ростов, 1986. – 112 с.
32. Новиков, Л. А. Избранные труды. Т.2. Эстетические аспекты языка [Текст] / Л. А. Новиков. - М.: Изд-во РУДН, 2001. — 842 с.
33. Орлицкий, Ю. Б. Графическая проза Бориса Пильняка [Текст]/ Ю. Б. Орлицкий. — Б. А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып.2. — Коломна, 1997. — С. 83-91.
34. Павлюченкова, Т. А. Цветообозначения в поэзии И. А. Бунина [Текст] / Т. А. Павлюченкова // Филологические науки. — 2008. — №2. — С. 99 — 107.
35. Пауль, Г. Принципы теории языка [Текст]: учебное пособие / Г.Пауль. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 93 – 139.
36. Пинкевич, А. Вступительная статья [Текст] / А.Пинкевич// Борис Пильняк. Собрание сочинений. – Т.1. – М.: Госиздат, 1929. – С.7-26
37. Плотникова, Л. И. Оказиональные субстантивы в аспекте речевой деятельности (на материале современного русского языка) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л. И. Плотникова. — Белгород, 1991. — 19с.
38. Плотникова, Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности: Порождение, функционирование, узуализация нового слова [Текст]: дис. ...докт. филол. наук / Л. И. Плотникова. — Белгород, 2004. — 368 с.
39. Потebня, А. А. Теоретическая поэтика [Текст] / А. А. Потebня. — М.: Высшая школа, 1990. — 344 с.
40. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова [Текст] / И. А. Стернин. — Воронеж, 1979. — 156 с.

41. Тимина, С.И. Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы [Текст]: учебное пособие/ С.И. Тимина; М.: Просвещение, 2002. — 586 с.
42. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в 2-х т. [Текст]/ А.Н. Тихонов. — М.: Рус.яз., 1985.
43. Фадеева, Т. М. Особенности функционирования сложных эпитетов в поэтических текстах «серебряного века» [Текст]: учебное пособие/ Т. М. Фадеева // Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сб. науч. тр. — М.: Издательство МГОУ, 2008. - Вып. 2. — С. 208— 212.
44. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография [Текст]/ Н. И. Фельдман // Вопросы языкознания. — 1957. — № 4. — С. 64-66.
45. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления [Текст]/ М.Хайдеггер; М.: Республика, 1993. — 447с.
46. Ханпира, Э. И. Окказиональное словообразование В.В.Маяковского (Отыменные глаголы и причастия) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. И. Ханпира. — М., 1966. — 16с.
47. Ханпира, Э. И. Окказиональные элементы современной речи. Стилистические исследования на материале современного русского языка [Текст]/ Э. И. Ханпира. -М.: Наука, 1972. — С. 245 — 317.
48. Ханпира, Э. И. Смысловая структура окказиональных слов в языке Маяковского [Текст]/ Э. И. Ханпира // Русский язык в школе. — 1966. — №6. — С. 30 — 36.
49. Харченко, В. К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль [Текст]: учебное пособие / В. К. Харченко. — М.: «Современный писатель», 1998. — 240с.
50. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике снова [Текст] / В.К. Харченко // Русский язык в школе. — 1976. — № 3. — С. 66-71.

51. Харченко, В. К. Сложные слова в детской речи [Текст]: учебное пособие / В. К. Харченко, Е. Г. Озерова; предисловие Н. В. Камышанченко. — Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 1999. — 158 с.

52. Ширшов, И. А. Теоретические проблемы гнездования [Текст]: учебное пособие / И. А. Ширшов. — М.: Прометей, 1999.

53. Юрак, С. Языковые особенности русской орнаментальной прозы. Romanoslavica [Текст] / С. Юрак. — XXXIII. — 1995.

54. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке [Текст]: учебное пособие / Н. А. Янко-Триницкая. — М., 2001. — 280с.

II. Список использованных словарей:

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: Ок. 9000 синонимических рядов [Текст] / Под. ред. Л. А. Чешко / З. Е. Александрова. — 5-е изд., стереотип. — М.: Рус.яз., 1986. — 600 с.

2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Около 7000 терминов] [Текст] / О. С. Ахманова. - М.: «Сов. энциклопедия», 1966. — 607с.

3. Горбачевич, К. С. Краткий словарь синонимов русского языка [Текст] /К.С. Горбачевич — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 605 с.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. [Текст] / В. И. Даль. — М., Госизд. иностр. и нац. словарей, 1955.

5. Иванова, Н. Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.): Более 4500 образных слов и выражений [Текст] / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Транзиткнига», 2004. - 666 с.

6. Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совпедии [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина / Санкт-Петербургский гос.ун-т. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 700 с.
7. Словарь иностранных слов[Текст]. — 8-е изд., стереотип. — М. : Рус. яз. , 1981 — 622 с.
8. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Ок. 145000 слов [Текст]/ А. Н. Тихонов. — М.: Рус.яз., 1985.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. [Текст] / М. Фасмер; пер. с нем., авт. доп., предисл. О. Н. Трубачев. — 4-е изд., стер. — М.: Астрель, 2007. — Т.1. (А-Д) Около 4000 слов. - 588 с.
10. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. [Текст] / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева др. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. — Т. 1. — М.: Флинта: Наука, 2008. - 840 с.
11. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Текст]/ Под ред. А. П. Сковородникова. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 480 с.

III. Список источников:

1. Пильняк, Б.А. Волга впадает в Каспийское море. Сочинения. В 3-х т. Т.2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. — М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
2. Пильняк, Б.А. Голый год. Сочинения. В 3-х т. Т.1. [Текст]/ Б.А. Пильняк. — М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
3. Пильняк, Б.А. Год их жизни. Сочинения. В 3-х т. Т.3 [Текст]/ Б.А. Пильняк. — М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
4. Пильняк, Б.А. Иван Москва. Сочинения. В 3-х т. Т.3. [Текст]/ Б.А. Пильняк. — М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
5. Пильняк, Б.А. Китайский дневник. Сочинения. В 3-х т. Т.1 [Текст]/ Б.А. Пильняк. — М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.

6. Пильняк, Б.А. Корни японского солнца. Сочинения. В 3-х т. Т.3. [Текст] / Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
7. Пильняк, Б.А. Машины и волки. Сочинения. В 3-х т. Т.2. [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
8. Пильняк, Б.А. Мать-мачеха. Сочинения. В 3-х т. Т.2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
9. Пильняк, Б.А. Мать сыра земля. Сочинения. В 3-х т. Т.3. [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
10. Пильняк, Б.А. Повесть непогашенной луны. Сочинения. В 3-х т. Т.2. [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
11. Пильняк, Созревание плодов Б.А. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
12. Пильняк, Б.А. Чертополох. Сочинения. В 3-х т. Т. 2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
13. Пильняк, Б.А. Жених во полночи. Сочинения. В 3-х т. Т. 2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
14. Пильняк, Б.А. Город ветров. Сочинения. В 3-х т. Т. 2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
15. Пильняк, Б.А. Рассказ о том, как создаются рассказы. Сочинения. В 3-х т. Т. 2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
16. Пильняк, Б.А. Немецкая история. Сочинения. В 3-х т. Т. 2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
17. Пильняк, Б.А. Ледоход. Сочинения. В 3-х т. Т. 2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.
18. Пильняк, Б.А. Штос в жизнь. Сочинения. В 3-х т. Т. 2 [Текст]/ Б.А. Пильняк. – М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994.